

ГОСТИ РИГИ

МИХАИЛ Козаков посмотрел на меня с легким сожалением:

— Сейчас вы, конечно, спросите о моем детстве и о начале творческого пути... — Не спрошу, — искренне пообещала я.

Ведь и так, без всяких вопросов, вспоминается, что театральный актер Михаил Козаков сыграл роль Гамлета в 22 года, что он работал вместе с Охлопковым, Ефремовым, Эфросом; что и кинематограф не обошел его своим вниманием — назовем хотя бы такие популярные фильмы, как «Убийство на улице Данте», «Человек-амфибия», «Лев Гурыч Синичкин», «Соломенная шляпка», «Здравствуйте, я вапша тяти!», «20 декабря». А еще собственные режиссерские работы в кино и на телевидении, десятки пластинок с записями стихов... Одним словом, это имя в рекомендациях не нуждается.

...Мы сидели в артистической Дворца культуры железнодорожников, в его зале проходил один из творческих вечеров Михаила Козакова. Зрители дружно смеялись — шел фрагмент из фильма «Безымянная звезда». И за разговором нужно было не пропустить выход на сцену. — Почему я занялся ре-

жиссурой? Наверное, потребность в этом была всегда. Я пробовал свои силы вначале на телеспектаклях — таких, как «Удар рогами», «Ночь ошибок»... Знаете, иногда ощущается немного негативное отношение к телевидению. Разве это настоящий зритель — в домашнем халате и тапочках? Но телетатр — это детище двух муз

тут, наверное, может быть только один — как бы ты сам все это воспринимал? Словом, нужно мысленно усадить самого себя перед экраном.

Нельзя забывать о самой природе телевидения. А то ведь снимают настоящих «телекентавров». Сразу и не поймешь — фильм это или спектакль? Когда я ставил лермонтовский «Маскарад», мне тоже предлагали провести съемки «на природе».

в их подборе ощущалась своя внутренняя система...

— Как складываются ваши композиции стихов?

— Они шлифуются годами, будто бы все время играешь в игру, у которой множество вариантов. Как кубик Рубика. Только там всегда один и тот же конечный результат, а здесь — множество. Я никогда не говорю себе: «А не придумать ли мне композицию на

Они — лишь легкие штрихи к портрету. Портрету, который каждый зритель и слушатель создает себе сам. Такова уж судьба артиста.

— А что бы вы хотели сказать молодым читателям нашей газеты?

— Поколения делятся не по горизонтали, а по вертикали. За каждым добрым человеком всегда стоит добрый человек, а за подлецом — подлец. И я не отделяю себя от молодежи по вертикали.

Я уверен, есть традиционные вещи, которые не должны подвергаться сомнению. Это и культура, и «любовь к родному пепелищу», и многое-многое другое. И как бы ни менялось время, есть безусловные критерии. Я бы пожелал молодым чаще думать о них. Они вечны, поэтому есть смысл дойти до их сути. Так я понимаю взросление. Любой инфантилизм — и пионерский задор, и юношеский нигилизм, одинаково глупы...

НА ЭКРАНЕ докручивались последние метры фрагмента из «Соломенной шляпки». Но вот зал взорвался аплодисментами, и Михаил Козаков опять вышел на сцену — наша беседа закончилась, но концерт продолжался.

И. ОШКАЯ.

ДУМАТЬ О ВЕЧНОМ

— театра и кино. Это законченное театральное зрелище.

— А если зрители смотрят это зрелище урывками, занимаясь обычными домашними делами?

— Нужно оторвать их от картошки и кастрюль. Нельзя смотреть постановку и думать: «Пока они там разговаривают, можно успеть что-нибудь сделать». Я рассчитываю прежде всего на уважение. Сам я всегда или смотрю передачу внимательно, или не смотрю ее вообще. Нужно заставить зрителей смотреть пьесу на экране, угадать необходимый для этого темп и ритм. Критерий

Но нужно, чтобы зритель поверил тебе в рамках этого телевизионного зрелища, в рамках этой стилистики...

ФРАГМЕНТ из фильма кончился, в зале зажегся свет, и Михаил Козаков вновь вышел к микрофону. И зазвучали стихи. Стихи Пушкина, всем известные, входящие в школьную программу, быстро нами выученные и, казалось, навсегда забытые. Слишком привычные для слуха строки вновь обрели музыкальность и ритм, рельефнее чувствовался скрытый в них смысл. Разные стихотворения дополняли и оттеняли друг друга,

тему...» Композиции всегда возникают сами собой. Сейчас невозможно сказать, что я буду читать через год-другой. Но я должен влюбиться в каждое стихотворение, оно должно поразить меня как человека. Если стихи мне не нравятся, я их даже выучить не могу.

ТЕ, кто побывал на нескольких концертах Михаила Козакова, подтвердят — повторялись только кадры из фильмов. Каждая встреча с ним была по-настоящему новой. Но ни одна из них, так же, как и эта сотня строк, не раскроет всех граней личности и таланта.